Р.Г.Пихоя,
доктор исторических наук, профессор

5 МАРТА 1953 ГОДА. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Посмертная маска И.В.Сталина. 1953 г. Скульптор М.Г.Манизер.
Экспонат выставки «1953 год. Между прошлым и будущим»,
организованной Федеральной архивной службой России.

Пятьдесят лет назад на даче умирал старый одинокий человек. Он лежал на полу, разбитый инсультом, без сознания, полупарализованный. Поздно вечером, почти ночью, его нашли и переложили на диван. Врачи пришли только на следующий день, к семи утра.

Этим стариком был И.В.Сталин – глава огромного государства, генералиссимус, создатель политического устройства СССР, вождь партии, лидер мирового коммунизма. Его прославление было частью официальной советской идеологии и обыденной жизни миллионов людей. Газеты, радио годами и десятилетиями вещали: «Ста-

лин! Нет более дорогого, более близкого имени для нас, его современников, для десятков миллионов советских людей, которые… воздвигли впервые в истории величественное здание социалистического общества… Сталин! Это имя стало для трудящихся земного шара символом действительной свободы и человеческого счастья. Это имя – знамя победоносной борьбы за социальное и национальное раскрепощение всех народов Европы, Азии, Африки, Америки, всех пролетариев и угнетенных».

И вот пришла смерть – великий и неотвратимый уравнитель прошлого и будущего.

5 марта 1953 г. пролегло четкой линией, поделившей советскую историю на две эпохи – сталинскую и послесталинскую.

Как он умирал. 1 марта 1953 г. Сталин был на даче в Волынском. Уже две недели он не появлялся в своем рабочем кабинете в Кремле. В последний раз он был там 17 февраля, когда принимал посла Индии Менона.

Охрана дачи не видела Сталина. Заходить к нему не полагалось. В каждой комнате стояли домофоны, и хозяин сам вызывал к себе. Однако на этот раз обычный распорядок жизни «ближней дачи» был нарушен. Охрану тревожило, что в малой столовой, где находился Сталин, было слишком тихо. Один из его «прикрепленных», М.Старостин, под предлогом передать почту, поступившую из ЦК, зашел в комнату Сталина. То, что он увидел, его потрясло. На полу лежал Сталин и хрипел. Говорить он не мог. На часах было 11 ночи.

Охранник бросился к телефону и стал звонить начальству. Прямой начальник – министр госбезопасности Игнатьев, распорядился звонить «выше» – членам Президиума ЦК Г.М.Маленкову и Л.П.Берии.

Берия и Маленков прибыли на сталинскую дачу в 2 часа ночи 2 марта. Осмотрев перенесенного к этому времени на диван Сталина, велели его не беспокоить и уехали.

Врачи появились в 7 утра. Они констатировали: у Сталина кровоизлияние в мозг (инсульт), произошедший на фоне гипертонической болезни (кровяное давление в момент осмотра 190/110); была парализована правая сторона тела[1].

Тогда же было подготовлено постановление Президиума ЦК КПСС, в котором одобрялись меры врачей по лечению Сталина. Это было важно для медиков: «дело кремлевских врачей-вредителей», начатое в 1952 г., обрекало каждого врача на подозрения. Что же говорить о тех, кому было суждено лечить самого Сталина?..

[1] См.: 1953 год. Между прошлым и будущим. М., 2003. С. 20.

Малая столовая.
В этой комнате у Сталина произошел инсульт, ставший для него смертельным.
Из экспозиции выставки «1953 год. Между прошлым и будущим».

Но слухи о заговоре, о врачах, уморивших вождя, поползли по стране. И по сей день встречаются утверждения об его отравлении. На выставке, открывшейся 28 февраля 2003 г. и организованной Федеральной архивной службой России, были представлены многочисленные документы, свидетельствующие о том, как и от чего лечили Сталина. Но, пожалуй, особый интерес представляет вывод, сделанный профессором Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова доктором медицины А.В.Недоступом. Отвечая на запрос директора Госархива С.В.Мироненко о причинах смерти Сталина, он пишет: «Изучение документов, связанных с состоянием здоровья И.В.Сталина и его последней болезнью, не дает оснований для подозрений о насильственных причинах его смерти. Тяжелый инсульт, произошедший, по-видимому, на фоне гипертонического криза, практически не оставлял шансов на благополучный исход. Лечебные мероприятия, проводившиеся консилиумом специалистов, были адекватны тяжести состояния больного и в полном объеме соответствовали уровню медицинских знаний своего времени».

Врачи лечили правильно.

Но правдой было и то, что Сталин в течение нескольких часов – всю ночь – оставался без медицинской помощи. Но за это – спрос не с врачей, а с соратников вождя.

Наследство Сталина. Главное в его наследстве – власть. Именно ее и бросились делить соратники. 2 мая в 10 часов 40 минут в сталинский кабинет вошли – именно в такой очередности – Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров, Хрущев, Шверник, Шкирятов. Вместе с этими партийными вождями зашли И.И.Куперин, начальник лечебно-санитарного управления Кремля, назначенный 1 сентября 1952 г. на должность, освободившуюся в ходе «дела врачей», и А.С.Толкачев, инструктор отдела партийных органов ЦК КПСС.

Через 10 минут Куперин и Толкачев вышли. Куперину предстояло организовать «Правительственные сообщения о болезни т. Сталина». Толкачеву и аппарату ЦК – срочно вызвать в Москву участников будущего Пленума ЦК. Было ясно, что Сталин умирает. Совещание в Кремле прошло быстро. Уже через двадцать минут кабинет Сталина опустел.

3 марта из Москвы был разослан вызов ко всем членам ЦК срочно прибыть в столицу для участия в Пленуме[1]. 3–4 марта заместитель Председателя Совмина СССР Л.П.Берия подготовил и согласовал с другим заместителем Председателя Совмина – Г.М.Маленковым – записку, в которой заранее распределялись важнейшие государственные посты.

5 марта 1953 г. в 20 часов началось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Председательствовал на нем секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев. Участникам заседания сообщили о тяжелой болезни Сталина, затем слово было передано Маленкову, который сказал, что Бюро Президиума ЦК КПСС поручило ему «доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства». Но докладывать о них было велено Берии. И понятно почему. Берия сообщил, что «Бюро Президиума ЦК… вносит предложение назначить Председателем Совета Министров СССР тов. Маленкова Г.М. …Мы уверены – вы разделите это мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной время у нас может быть только одна кандидатура на пост Председателя Совета Министров СССР – кандидатура тов. Маленкова. *(Многочисленные возгласы с мест: «Правильно! Утвердить!»)».*

Поясним нашим читателям, что в 1940-х – начале 1950-х годов пост Председателя Совмина СССР был высшим постом государства.

[1] Архив Президента Российской Федерации (далее: АП РФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

Сталин занимал его с 1941 г. до своей смерти; кроме того, по традиции, существовавшей в партии, именно Председатель Совмина вел заседания Политбюро ЦК.

Получив поддержку, Маленков продолжил выступление. Он объявил, что на должность первых заместителей Председателя Совета Министров рекомендованы Берия, который одновременно назначался на пост министра МВД, В.М.Молотов, возвращавшийся на пост министра иностранных дел, Н.А.Булганин – министр обороны, и Л.М.Каганович. Н.С.Хрущев оставался секретарем ЦК КПСС и фактическим руководителем аппарата ЦК КПСС. Заседание длилось недолго – 40 минут, а еще через час с небольшим – в 21 часа 50 минут врачи констатировали: Сталин умер.

Соратники. Л.П.Берия, К.Е.Ворошилов, Н.С.Хрущев, А.И.Микоян, М.А.Суслов с гробом И.В.Сталина перед Мавзолеем. 9 марта 1953 г. Из экспозиции выставки «1953 год. Между прошлым и будущим».

К власти в стране пришел триумвират: глава государства – Маленков, руководитель партии – Хрущев, министр внутренних дел – Берия. Три человека, три «центра силы» в СССР. За каждым стояли свои люди, свои структуры в государственном и партийном аппарате, свои интересы. Именно между ними развернулась борьба, борьба в полном смысле не на жизнь, а насмерть, где ценой победы была власть, власть единодержавная, а поражение означало смерть – физическую (как для Берии), или политическую (как случилось с Маленковым и его сторонниками).

Урок борьбы за власть как часть политического наследства Сталина был превосходно усвоен его соратниками.

Наследники Сталина на десятилетия вперед сохранили практически неизменными:

– систему управления, построенную по номенклатурному принципу полной зависимости чиновника от того, кто его назначил, и

практической безответственности перед нижестоящими звеньями управления и гражданами;

– социально-экономический строй – «общенародную собственность на средства производства», плановую экономику, колхозно-совхозный строй;

– идеологические и политические цели государства – строительство коммунизма, задачи догнать и перегнать капиталистические страны, прежде всего США;

– приоритеты во внешней политике, сочетавшие принципы «пролетарского интернационализма» и «помощи странам, борющимся против колониального ига» с участием в «холодной войне»;

– участие в «холодной войне» и разорительной для экономики гонке вооружений.

Исторический парадокс состоит в том, что соратники Сталина унаследовали свойственное ему неуважение к своим предшественникам. Мертвый вождь не должен был мешать и затмевать вождей живых.

Пропагандистский аппарат по инерции призывал навечно сохранить память о Сталине – «гениальном вожде и учителе, великом продолжателе дела Маркса–Энгельса–Ленина». Намечалась широчайшая программа пропаганды сталинского наследия. Было объявлено, что в стране будет сооружен «Пантеон – памятник вечной славы великих людей Советской страны». Предполагалось соорудить его напротив Кремля, на Софийской набережной Москвы-реки, или неподалеку от высотного здания МГУ, на прямой линии от Кремля до Ленинских гор. До этого времени останки Сталина должны были находиться в Мавзолее Ленина, переименованном по этому поводу в Мавзолей Ленина – Сталина.

Однако уже на следующий день после похорон, 10 марта, выступая на Президиуме ЦК КПСС, Маленков подверг критике советскую печать, потребовав: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности»[1].

16 апреля два директора – Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центрального музея В.И.Ленина – обратились с письмом к секретарю ЦК П.Н.Поспелову с предложением о преобразовании Центрального музея Ленина в Центральный музей Ленина–Сталина. Для реализации этих планов требовалось отселить несколько квартир из здания в Историческом проезде, где располагался музей.

Ответ пришел почти через месяц 14 мая. В нем сообщалось, что «Моссовет не может отселять граждан… а также предоставить слу-

[1] Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 443.

жебную площадь организациям и учреждениям… о чем просят в своем письме тт. Обичкин и Морозов». Ответ был подписан управляющим делами ЦК. Документ замечателен тем, что директоры уважаемых идеологических центров КПСС просили «служебную площадь» во исполнение решений ЦК. Другое дело, что эти решения уже следовало забыть[1]. Стремительно «ушли в песок» планы строительства Пантеона, будто их и не было.

Дачу, где умер Сталин и где по логике должен был быть организован музей, такой, как музей Ленина в Горках, в мае 1953 г. планировали передать Министерству здравоохранения для организации там детского санатория. Санаторий не открыли, но и музей Сталина, который попытались создать, просуществовал недолго. Не закончили даже издание собрания сочинений Сталина…

От какого наследства отказались. Но не все в сталинском арсенале сгодилось его преемникам. Правящая элита не хотела и не собиралась допускать сталинского террора, нередко обращавшегося против высшей номенклатуры. Этот социальный слой, сложившийся еще до войны, выдержал военные испытания и послевоенные репрессии, инициированные Сталиным. Через тюрьмы и лагеря прошли родные и близкие практически всех представителей политической элиты тогдашнего СССР. Угроза репрессий витала над каждым из них. Роли палачей и жертв менялись с удивительной легкостью, иногда по нескольку раз. Тогда под суд по абсурдным обвинениям пошли командование ВВС и Военно-морского флота, генералы и офицеры Главного артиллерийского управления. Затем со средневековой жестокостью были репрессированы «с чадами и домочадцами» руководители ленинградской партийной организации, деятели науки и культуры, обвиненные по делу «Еврейского антифашистского комитета», врачи Кремлевской больницы, высшие чины Министерства госбезопасности во главе с министром В.С.Абакумовым… Любое из этих «дел» расходилось по стране, как круги по воде, втягивая в смертельный омут все новые и новые жертвы.

Правящий слой требовал от власти гарантий своей безопасности и невозможности повторений репрессий прошлого. Политическая элита СССР, партийное и государственное чиновничество добивались стабильности, защищенности своего положения. Поэтому уже в первые дни после смерти Сталина устами министра внутренних дел Берии власть заявила о необходимости пересмотра дел бывших сотрудников МГБ СССР, работников Главного артиллерийского управления Министерства обороны СССР.

---

[1] ЦХСД. Ф. 5. Оп. 26. Д. 49. Л. 34–35.

3 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС заявил о «полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях» и о привлечении к уголовной ответственности следователей, обвиненных в фальсификации этого дела». Это сообщение было напечатано в «Правде» и стало символом реальных перемен, наступавших после смерти Сталина[1]. 4 апреля 1953 г. Берия подписал приказ, в котором запрещалось применять, как писалось в этом документе, «изуверские методы допроса». В приказе содержались требования: запретить применение к арестованным мер физического воздействия, «ликвидировать в Лефортовской и Внутренней тюрьмах организованные руководством бывшего МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить»[2].

Камера «Особой тюрьмы» для высшей партийно-государственной номенклатуры. Из экспозиции выставки «1953 год. Между прошлым и будущим».

[1] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 1–2.

[2] *Охотин Н.Г., Петров Н.В., Рогинский А.Б., Мироненко С.В.* Экспертное заключение к заседанию Конституционного суда Российской Федерации 26 мая 1992 г. М., 1992. С. 15.

Ненависть к репрессиям недавнего прошлого была столь велика, а желание избежать подобного столь сильным, что любой шаг, исключавший возможность «повторения пройденного», почти автоматически вызывал поддержку высшей номенклатуры.

Начавшаяся реабилитация и массовая поддержка этого процесса в широких слоях советского общества позволяли использовать обвинения в подготовке репрессий как оружие в борьбе за власть. Поэтому высшие руководители страны на Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г. поддержали свержение Берии, которого объявили виновным в терроре, а XX съезд поддержал Хрущева, выступившего со своим знаменитым докладом. Год спустя – в июле 1957 г. – номенклатура спасла Хрущева, так как он смог доказать участникам Пленума ЦК, что его противники – Маленков, Каганович, Булганин – готовы вернуться к репрессиям прошлого. Он же – Хрущев – гарантирует их безопасность, потому что «Пленум является хозяином партии» и, следовательно, высшая номенклатура, входившая в ЦК КПСС, а также участники пленума – коллективный хозяин страны.

Так и произошло. Осенью 1964 г. Пленум отправил в отставку Н.С.Хрущева, когда он надоел своими реорганизациями партийно-государственного аппарата. Преемник же Хрущева – Л.И.Брежнев – провозгласил знаменитый тезис о стабильности в руководстве, бережном отношении к кадрам, означавший практическую несменяемость и безнаказанность высшей номенклатуры. На этом противоречия преемников Сталина с его наследием были окончательно преодолены.

Неосталинизм. Отношение к Сталину стало заметно меняться уже со второй половины 60-х годов. Зарождался неосталинизм – верность старым идеологическим ценностям, «идеологической дисциплине», помноженной на неведомую при Сталине «стабильность в руководстве». Неосталинизм – это еще и отказ от попыток реформировать общество, так как истинные социалистические ценности находятся в прошлом, и задача власти – равняться на них.

В 1969 г. в Политбюро ЦК КПСС вспыхнул спор: следует ли отмечать 90-летие со дня рождения Сталина. Надо опубликовать юбилейную статью – настаивали М.А.Суслов, П.Е.Шелест, К.Т.Мазуров, А.Н.Косыгин, Ю.В.Андропов. Им возражали Н.В.Подгорный, А.Я.Пельше и Б.Н.Пономарев, пытавшиеся напомнить коллегам, что сами недавно гневно осуждали культ личности... Победили сторонники публикации юбилейной статьи[1].

Статью опубликовали. В 1970 г. на могиле Сталина у Кремлевской стены появился бюст, изваянный скульптором Н.В.Томским. Началось тихое возвращение сталинского политического наследия.

[1] АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 288. Л. 78–83.

Жаркие споры об отношении к Сталину стали разворачиваться в среде интеллигенции. В апреле 1970 г. КГБ докладывало в ЦК, что в Москве распространяется машинописный текст пародии на роман В.Кочетова «Чего же ты хочешь?». Автором пародии, по мнению «литературоведов в штатском», был сатирик З.Паперный. Последуем за текстом пародии:

«... У рабочего человека Феликса Самарина не было конфликта отцов и детей с отцом.

– Давай, отец, потолкуем, – сказал сын.

– Изволь, – согласился отец, – но только о заветном. Разменяться на пустячки не намерен. Что тебя заботит, сынок?

– …Давно хотел спросить. Скажи, пожалуйста, был тридцать седьмой год или же после тридцать шестого сразу начался тридцать восьмой?

– Тридцать седьмой! Это надо же! – уклончиво воскликнул отец. Его взгляд стал холодней, а глаза потеплели. – Уравнение с тремя неизвестными, – сказал он молча, – икс, игрек, зет...

– Прости, отец, опять к тебе, – сказал Феликс, входя. Так как же все-таки – был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

– Не был, – ответил отец отечески ласково, – не был, сынок, но будет».

Был ли тридцать седьмой год – год-символ советской истории? Все чаще официальная пропаганда старалась руководствоваться рецептом сатирика: после тридцать шестого сразу начался тридцать восьмой.

Отношение к Сталину, к политическим репрессиям получило политически актуальный смысл. Сталин надолго был поставлен в один ряд с Хрущевым, а реформы последнего оценивались властью как по преимуществу вредные. Сталинская тема стала частью политических рассуждений на Политбюро. 30 марта 1972 г. обсуждался вопрос: что делать с Солженицыным. Соломенцев вспомнил про Хрущева: «Это он, Хрущев, открыл и Якира, открыл и поднял Солженицына...». М.А.Суслов добавил, что эту ответственность вместе с Хрущевым разделяет и Микоян.

Подобные обсуждения – уже не споры – продолжались и позже. На заседании Политбюро 12 июля 1983 г. К.У.Черненко рассказал коллегам о встрече с Молотовым, который был восстановлен в КПСС. Слова Черненко разбередили память о прошлом.

Начал маршал Д.Ф.Устинов: «А на мой взгляд, Маленкова и Кагановича надо было бы восстановить в партии. …Скажу прямо, что если бы не Хрущев, то решение об исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий,

которые допустил Хрущев по отношению к Сталину. Сталин, Сталин, что бы там ни говорилось, – это наша история. Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина… В оценке деятельности Хрущева я, как говорится, стою насмерть. Он нам очень навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным. По положительному образу Советского Союза в глазах внешнего мира он нанес непоправимый удар…».

Громыко. Фактически благодаря этому и родился так называемый «еврокоммунизм».

Тихонов. А что он сделал с нашей экономикой! Мне самому довелось работать в совнархозе.

Горбачев. А с партией, разделив ее на промышленные и сельские партийные организации!»[1]

Нет, не Сталин был отрицательным героем советской истории для членов Политбюро. «Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства», – утверждал Устинов, и с ним были согласны и Громыко, и Горбачев.

Сталин как торговая марка. Бурный, полный надежд и иллюзий период гласности и перестройки породил попытки осмыслить наше историческое прошлое, а вместе с ним перспективы на будущее. Прошлые исторические штудии о советской истории, заквашенные на дрожжах краткого курса «Истории ВКП(б)», лишившись спасительной для них политической цензуры, не выдерживали никакой критики. Появился феномен общественной мысли конца 80-х – начала 90-х годов – рассуждения о неких «белых пятнах» прошлого, которые, как казалось, можно легко восполнить новым знанием. «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты» со статьями о неизвестных фактах прошлого, ГУЛАГе, политических репрессиях расходились мгновенно. Книги о «природе сталинизма», такие, как «Иного не дано», «Суровая драма народа» и другие, печатали многосоттысячными тиражами. Невозможно было достать книгу А.Рыбакова «Дети Арбата», ставшую беллетристическим изложением отечественной истории конца 30-х годов.

Спор об отношении к Сталину, начатый после публикации в 1988 г. статьи в «Советской России» Н.Андреевой, стал одним из крупнейших политических событий, радикализовавших общество и подготовивших события 1989–1991 годов.

[1] АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1983. 12 июля. С. 22–25.

Что дальше?

Любопытно сопоставить данные двух социологических исследований исторической памяти граждан России, которые проводились в 1990-м и 2001 г. учеными Социологического центра Российской академии государственной службы.

В 1990 г. Сталин оценивался как один из самых непопулярных деятелей прошлого – его положительно оценивали только 6% опрошенных (по сравнению с ним положительная оценка Петра I составила 74%, Ленина – 57, а маршала Жукова – 55%). Спустя 11 лет деятельность Сталина положительно оценивали уже 32,9% (соответственно Петра I – 90,2%, Ленина – 39,9, Жукова – 80,8%).

Почему произошли столь радикальные изменения в историческом сознании? Причин много. Попытаемся их проанализировать. Прежде всего, эпоха Сталина ушла. Яростный антисталинский заряд публицистики конца 80-х утратил мишень – коммунистический строй. Изучение Сталина стало не признаком политической дерзости, а рутинным историческим исследованием, уже поэтому лишенным массового интереса. Удивительные по богатству информации, по доказательности, документальные публикации о Сталине и его эпохе редко выходят тиражом больше 3 тыс. экземпляров.

Сегодняшняя непростая жизнь, рост цен, отсутствие социальных гарантий, очевидное и часто бессовестно демонстрирующееся неравенство людей не могут не вызывать ностальгических воспоминаний о прошлом, об утраченном порядке, сильной и справедливой руке…

Из актуального политического настоящего Сталин и его эпоха ушли в прошлое, поэтому перестали быть опасными и все больше превратились в некий символ утраченной державы. На наших глазах рождается новый миф. Громкая, пестрая, яркая, создававшаяся талантливыми людьми символика сталинской эпохи продолжает обладать магией «большого стиля империи», дразнит воображение памятью о Советском Союзе – сверхдержаве. И усатый вождь в маршальском кителе и сапогах оказывается востребованным, на этот раз как торговая марка, лукавыми торговцами от политики и не только.